

лодой человек выдерживает испытания и не поддается искусу. Пройдя через все тернии, он сохраняет душевную стойкость, веру в добро, нравственную чистоту. Он не прячется от бомбежек, не избегает опасности. Он погибает, положив жизнь свою за друзей, выполнив свой воинский и христианский долг, следуя евангельскому принципу: «Нет ничего выше, чем умереть за друзей своих».

Гибель молодого человека приобретает и духовный смысл. Писатель так описывает состояние молодого человека в момент смерти: «Как будто отпали струпы со старой болячки, как будто он вышел из гнусной скорлупы» [13]. О смерти и ее нравственной сущности в христианстве писатель размышляет и в своих философско-религиозных трактатах «Страдание» (1940), «Просто Христианство» (1944-1943), эссе «Христианство и культура» (1940), «Коллектив и мистическое тело» (1945), «Человек или Кролик» (1946). Писатель воспринимает смерть как великий дар Божий, говорит о необходимости смиренного приятия смерти.

В финале «Писем Баламута» показана посмертная участь человека. Герой «Писем», оказавшийся за пределами земного бытия, становится свободным от искушения силами зла.

Финал «Писем» наглядно свидетельствует и о духовной эволюции героя: он проходит путь от новообращенного до глубоко верующего человека и именно поэтому оказывается способным совершать достойные верующего поступки. Христианская позиция проявляется в верности добру, нравственной чистоте, душевной стойкости, подвигу.

В «Письмах Баламута» просматривается реальная жизнь с ее проблемами. Как

справедливо заметил О. Барфильд, «эта книга не только о небе и аде, спасении и проклятии. В ней представлен реальный мир в XX веке, в котором ведется борьба между добром и злом» [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бинхам Д., Клайв Льюис и его сказки. – СПб., 2001. – С. 99.
2. Льюис К.С. Письма Баламута. Собр. Соч. в 8-и тт. 8. – М., 2000. – С.13.
3. Там же. – С. 14.
4. Там же – С. 36.
5. Митрополит Антоний (Сурожский). – Труды. – М., 1993. – С. 184.
6. Пестов Н.Е. О Молитве. – М., 2003. – С. 45.
7. Льюис К.С. Письма Баламута Собр. Соч. в 8-и тт. Т. 8, – М., 2000. – С. 92.
8. Там же. – С. 42, 68, 72, 75, 86.
9. Там же. – С. 24, 61, 66
10. Там же, – С. 41, 51.
11. Там же. – С. 32-34.
12. Словарь Библейских образов. – СПб., – 2005. – С. 431-432.
13. Льюис К.С. Письма Баламута. Собр. Соч. в 8-и тт. Т. 8. – М., 2000. – С. 107.
14. Gibb, Jocelyn. Light on C.S. Lewis. Geoffrey Bles: London: Contributors include Owen Barfield, A.W. Benneff, Nevill Coghill, Austin Farrer, Stella Gibbons, Walter Hooper and others. 1965. P.29.

L. Efimova

«THE SCREWTAPE LETTERS» IN THE CREATIVE INHERITANCE OF C. S. LEWIS: MAN'S LIFE IN A SYMBOLIC MEANING

Abstract: «The Screwtape Letters» (1942) is one of the most important works of the well known English writer and theologian C.S. Lewis. This book is written in the form of lampoon with the elements of parable and fantasy.

Key words: parable, pamphlet, fantasy, symbol.

УДК 82-31

Красникова О.В.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ХРОНИК Н.С. ЛЕСКОВА «ЗАХУДАЛЫЙ РОД», «СТАРЫЕ ГОДЫ В СЕЛЕ ПЛОДОМАСОВЕ», «СОБОРЯНЕ»*

Аннотация: Статья посвящена изучению пространственно-временной организации, или хронотопа, в хрониках Н.С. Лескова «Захудалый род», «Старые годы в селе

Плодомасове», «Соборяне». Большое внимание уделяется сопоставлению исторического и художественного времени, выявлению связей между сюжетным временем и пейзажными зарисовками, описывается влияние времени на характер героев, рассматривается

* © Красникова О.В.

роль концептов «дома», «дороги», «вселенной», «монастыря», «петербургского света», «ярмарки», «театра» в художественном своеобразии хроник.

Ключевые слова: историческое время, художественное время, хронотоп.

Хроника является излюбленной жанровой формой повествования Н.С. Лескова. И.В. Столярова отмечает, что «жанр хроники позволяет писателю изображать жизнь человека так, как она идёт – «лентою», «развивающейся хартией», не заботясь о закруглённости фабулы и о сосредоточенности повествования около главного центра» [1]. Огромную роль в хрониках играет и их пространственно-временная организация, т.е. хронотоп. Именно хронотоп, понимаемый М. М. Бахтиным как «формально-содержательная категория литературы» [2], может быть ключом к пониманию смысла хроник Лескова «Захудалый род», «Старые годы в селе Плодомасове», «Соборяне».

Рассмотрим более подробно одну из ступеней хронотопа – категорию времени. В начале любой хроники автор – повествователь задаёт временные координаты, точку отсчёта, с которой начинается ход времени. Например, подробные портретные описания протоиерея Савелия Туберозова, иерея Захария Бенефактова, дьякона Ахиллы Десницына в первой главе «Соборян» и описания их жилищ во второй главе хроники являются началом хроникальных действий «Соборян».

Хроника Лескова «Захудалый род» подчёркнуто «документирована». Протозановы даются как исторические личности. Семейный повествователь возводит род Протозановых к «первым владетельным князьям» [3] и указывает на то, что в «исторических рассказах о старой Руси встречается немало имён наших предков, и некоторые из них вспоминаются с большим одобрением» [3: 6, 3].

Н.И. Озерова отмечает, что «в соответствии с назначенным жанром именно по канонам древних хроник в повествовании Лескова присутствует указание не на год воцарения того или иного правителя, а на продолжительность его царствования» [4]. Почёт Протозановых зависит от тех правителей, которые озабочены тем, чтобы «придать государству большую монолитность, способствовать его просвещению и развитию, усилить его мощь» [4: 86]. Так, во время правления Ивана III (1442-1505) Протозановы «являются в числе почётных людей Московского княжества», а в эпоху Петра I (1682-1725) Яков Львович

Протозанов идёт «от чести к почести».

По наблюдениям Жан-Клода Маркадэ, «в этой хронике Лесков точнее, чем где бы то ни было, следует исторической хронологии» [5]. Исторический момент, когда происходит действие, определяется благодаря упоминанию чугуевского бунта военных поселян 1819 года.

Очень часто в своих хрониках Лесков не называет точных дат, а использует определённое сюжетное время. В хронике «Старые годы в селе Плодомасове» – это осень. Несколько осенних дней 1748 года составляют время действия первого очерка. Лесков использует следующие эпитеты: «сумрачный, неприветливый день осенний», «поздний осенний рассвет». Время действия второго очерка, как и первого, – осень. С ней связаны все несчастья Марфы Андреевны: похищение из дома, нападение разбойников. События с героями происходят «перед вечером», «в сумерки», «о полуночи», «перед ранней зарёй»: «Ветер выл и заносил в комнату брызги мелкого осеннего дождя <...>» [6].

Из всех времён года в «Захудалом роде» изображена только весна. На фоне весны с героями происходят несчастья, весною они и разрешаются. «Весенняя ростепель» предвещает известие о смерти князя, а ранняя весна «без яркой зелени и обилия цветов» успокаивает княгиню [3: 6, 176]. Лесков не случайно выбирает это сюжетное время. Ведь весна символизирует начало всех перемен в жизни человека.

В «Соборянах» сюжетным временем является лето. Особенно ярко это время проявляется в шестой главе «Соборян», где показана сцена купания богатыря Ахиллы. Эта летняя картина усиливает впечатление о богатырской силе и удали Ахиллы Десницына и помогает читателю провести параллели с античным героем – Ахиллесом. Можно сказать, что это сюжетное время символизирует расцвет жизненных сил и физической мощи. Это момент, когда герой живёт полной грудью. Время в «Соборянах» лишено конкретности: есть «летний вечер», «рассвет», «жаркий летний полдень». Однако в последней части хроники, в четырнадцатой главе, рассказывающей о поимке Ахиллой чёрта на кладбище, называется конкретное время, являющееся символическим. Г.В. Мосалёва называет это время «мистическим» [7]. Действительно главный герой хроники Ахилла вышел из дома ночью, «в одиннадцатом часу», «дошёл до погоста в начале двенадцатого часа», а когда «в городе прокричали утренние петухи»,

Ахилла подумал, что «чёрта сегодня не будет» [3: 1, 324].

Особого внимания заслуживает рассмотрение исторического и художественного времени в хрониках. Очень часто оно не совпадает. В «Захудалом роде» действие происходит в первые десятилетия XIX в. Так читатель узнаёт, что князь Протозанов и сын Червева погибают в войну 1812 года, а трубач Грайворона и пленённый французами Рогожин оказываются её участниками. «Автор «Захудалого рода» создаёт время, в контексте которого угадываются прошлое и настоящее» [8].

В «Соборьянах» своеобразным связующим звеном между прошлым и настоящим является «Демикотоновая книга протопопа Туберозова». Следуя особенностям жанра хроники, Лесков называет записи протопопа не дневником, а «книгой», иногда «календарём». Различия между дневником и книгой показывает И.В. Кудряшов в своей статье «Проблемы жанра и характерологии хроники Н.С. Лескова «Соборьяне» [9]. Он справедливо утверждает, что внешне записи протопопа Туберозова обращены к событиям личной жизни, а «внутренне, на подтекстно-смысловом уровне, «хронологически» фиксируют историю духовной жизни русского общества и развития общественного сознания» [9: 11].

Образы героев в хрониках тоже связаны с категорией времени. Портретные характеристики героев-праведников изменяются с развитием сюжета. Например, можно проследить изменения, происходящие с Марфой Андреевной Байцуровой в хронике Лескова «Старые годы в селе Плодомасове». В первом очерке она предстаёт перед читателями в виде молодой пленницы «с мокрыми чёрными кудрями». «По лицу у боярышни расстилается алый цвет, а по груди рассыпается белый пух <...>» [6: 202]. Во втором очерке происходят заметные изменения в её облике: «Ей минуло сорок пять лет; красота её отцветала в её тихом заточении, и чистая, непорочная жизнь укрепила за нею название «хрустальной вдовы» [6: 223]. А ещё через пять лет она накладывает на себя «старушечий повойник» [6: 222]. Характеристика героев отрицательного ряда с течением времени не меняется. В «Захудалом роде» Лесков отмечает, что хотя Анастасия «была очень хороша», но «в её выражении не было той милоты, которая располагала и влекла к княгине всякого человека <...>» [3: 6, 122].

Само течение времени, ход жизни, раскрывают разные стороны характеров героев.

Рассказывая ту или иную историю жизни своих героев, писатель не заботится о строгой сюжетной последовательности в своих хрониках. Для Лескова было важно показать характер героя. Таков, например, протопоп Савелий Туберозов. В.Е. Хализев утверждает, что «такой человек при всей своей «неидеальности», а порой и ограниченности, имеет твёрдый нравственный ориентир, верен себе на своём месте, способен к ровному нравственному усилию» [10].

Разносторонние характеристики присутствуют и при описании образа другого героя «Соборьян» – Ахиллы Десницына. Г.Т. Андреева так пишет о нём: «Дьякон Ахилла Десницын совмещает в себе страшную, стихийную, непомерную физическую силу, необыкновенную доброту души, кротость и далеко не изощрённый ум. Это своего рода Илья Муромец в рясе» [11].

Своеобразие хроник Лескова заключается и в основном способе передачи такой категории, как пространство. Даже пейзаж в хрониках, как правило, связан с основным сюжетным развитием, с тем или иным душевным состоянием героя. Символично изображение грозы в хронике «Соборьяне». Она воспроизводит внутреннюю бурю в душе протопопа Туберозова.

Г.Т. Андреева отмечает такое свойство лесковского пейзажа, как «кадровость» [11: 56]. Картины природы, сменяющие одна другую, оставляют яркое зрительное впечатление потому, что время от времени сопровождаются яркими кадрами, полными самых разнообразных ассоциаций. Так на фоне чарующей природы, под журчанье ручья возникают в голове дремлющего Туберозова сначала расплывчатые непонятные образы, затем легенда о витязе, окружённом врагами, будит в нём старые думы. Пейзаж усиливает тревогу, царящую в комнате Варвары Никаноровны в момент сообщения о смерти её мужа («Захудалый род»): «В комнате – то этаким свет вечерний, солнце садится, вбок всё красным обливает» [3: 6, 13].

Опорными точками, возникающими в сознании читателя при рассмотрении пространства, являются концепты – «элементарные единицы результата понимания» [12]. Ю.С. Степанов определяет концепты как «основные ячейки культуры в ментальном мире человека», подчёркивая, что в отличие от понятий в собственном смысле термина, концепты не только мыслятся, но и переживаются [13]. В хрониках Лескова можно выделить несколько концептов, с которыми связаны

герои. Это «дом», «монастырь», «дорога», «столичный мир», «ярмарка».

Один из важных концептов – «дом». Он показан как олицетворение прочности, стабильности бытия. Не мыслят жизни без «дома» Варвара Никаноровна, Ольга Федотовна, Патрикей Сударичев из хроники «Захудалый род». А для Функендорфа, Хотетовой и княжны Анастасии «дом» является промежуточной остановкой на пути к достижению их корыстных целей: карьеры, выгодной женитьбы. В хронике «Старые годы в селе Плодомасове» концепт «дома» приобретает значение непобедимой крепости – терема, в котором есть условия на любой непредвиденный случай. В VI главе показано подробное описание плодомасовского дома со своими заведёнными порядками.

Лесков не случайно тщательно описывает дома главных героев в «Соборях». Он подчёркивает прямую связь жилища с характером своих героев. Основная функциональная нагрузка этих описаний в том, чтобы подчеркнуть различие характеров. «У отца Савелия домик был очень красивый, выкрашенный светло-голубою масляною краской, с разноцветными звёздочками, квадратиками и репейками, прибитыми над каждым из трёх его окон [3: 1, 49]. Характерна деталь – ставни в доме никогда не закрывались, т.к. протопоп любил свет, лунный луч. Можно сделать вывод, что Савелий Туберозов жил открыто, не боясь никого и ничего. По описанию жилища Захария Бенефактова можно судить о смирении и кротости, семейном счастье этого человека: «У отца Захарии далеко не было ни зеркальной чистоты протопопского дома, ни его строгого порядка: на всём здесь лежали следы детских запачканных лапок <...>» [3: 1, 49].

В.А. Зарва отмечает в статье «К просветительской концепции человека», что «в могучей фигуре дьяка Ахиллы Десницына, отличающегося буйной и жизнелюбивой натурой, подчёркиваются черты вольного украинского казака» [14]. Действительно, в Старгороде у него «мазаная малороссийская хата», а прочные и крупные предметы мебели, такие как деревянный диван, «чеканенный азиатский седельный орчак», пеньковый аркан, говорят читателю о физической силе и удали этого богатыря.

Ещё одним важным концептом при описании пространства в хрониках Лескова является «дорога». Особое значение она приобретает в хронике «Захудалый род» для Доримедонта Васильевича Рогожина. О связи

«дороги» и «дома» писала Г.В. Мосалёва [7: 63-64]. «Дорога» ведёт человека в «дом» и уводит из него. В «дороге» происходят встречи и расставания. «Дорога – это стык всех человеческих судеб, жизненных линий – идей всех героев» [7: 64]. «Дорога» как неизвестный путь описана в хронике «Старые годы в селе Плодомасове». Не знал боярин Никита Юрьевич, к чему приведёт его похищение Марфы Андреевны Байцуровой, когда нёсся «во всю скачь в сторону незнакомую, неведомую и во всяком случае страшную» [6: 195]. Помощь к главной героине тоже приходит со стороны «дороги» в лице матери и отца Байцуровых, мамы-турчанки, земского пристава.

«Дорога» может изменить характер героя, открыть ему новые стороны жизни. Так происходит с дьяконом Ахиллой Десницыным, когда он расстаётся с Туберозовым (хроника «Соборяне»). Из Петербурга он привёз массу новых впечатлений, мыслей, слов. Е.П. Берёзкина назвала это «чудом изменения героя» [15].

Другим важным концептом, понимаемым шире, чем «дом», является «вселенная». Наиболее ярко он проявляется в хронике «Захудалый род». Только два героя – Червев и Рогожин – размышляют о мировом пространстве.

И.В. Кудряшов выделяет такую «пространственно-временную координату хроники, как русский космос» [9: 14-15]. Соборная поповка, по его мнению, – это некий цельный мир русской жизни и, в первую очередь, жизни духовной. Все обитатели Старгорода в той или иной мере являются носителями духа соборности. Под этим термином понимается «органическое единение духовного бытия нации посредством божественной благодати взаимной любви» [16]. Исходя из этого следует упомянуть и о таком важном концепте, как «собор» или «монастырь».

«Монастырь» является прибежищем всех людей: и праведных, и неправедных. Для Рогожина в «Захудалом роде» «монастырь» становится заменой «дома». Его жизнь с рождения связана с монастырём. В отличие от Рогожина, Функендорф и Хотетова наделены показательной религиозностью. Хотетова требует за свою веру особых наград и почестей. Под стать Хотетовой и Функендорф. Для него вера отождествляется с выгодой и тем самым теряет всякую нравственную значимость. Таким образом, мы видим, что «монастырь», принимая всех людей, не является пристанищем только праведных.

Говоря о пространстве, нельзя не кос-

нуться такого концепта, как «столичный мир» или «петербургский свет» [7: 65]. Особенно ярко этот концепт проявляется в хронике «Захудалый род». Наиболее приближены к «петербургскому свету» Функендорф, Хотетова, княжна Анастасия. Их привлекает светская жизнь, обилие кружков и собраний, идей и воззрений. Однако этот мир чужд Варваре Никаноровне Протозановой и её ближайшему окружению.

Можно отметить и то, что «петербургский свет», за исключением известных читателю лиц, не персонифицирован. В петербургском обществе выделяются следующие категории людей: «знать первой руки» (или «старая знать»), «аристократы «второй руки», «дисальщики», «искательные люди», «новые аристократы» (или «должники»), «козёры» (или «болтуны»), «прибыльщики» [3: 6, 114-116]. (Курсив Лескова. – О.К.) Среди этих людей всё ярче и ярче проявляются такие пороки, как пресмыкательство, раболепство, обманчивая состоятельность, хвастовство, праздность, позёрство, подлость.

И, наконец, одним из самых важных концептов для анализа хроник Лескова является «ярмарка». Она объединяет на короткое время таких героев, как Рогожин и Грайворона («Захудалый род»). «Костюмированный человек» Рогожин «офицера на ярмарке прочил» [3: 6, 87]. Грайворона, прежде чем ему в голову пришло решение прикурить от церковной свечи, оказывается на ярмарке, где он «совсем и замутился» [3: 6, 85]. «Ярмарка» обнаруживает в человеке стихийные силы, неподвластные ни разуму, ни житейскому рассудку» [8: 138]. Более узкое значение в произведениях Лескова имеют концепты «театра» и «маскарада». Особенно это проявляется в «Соборьянах». Один из персонажей – Ахилла – постоянно сталкивается с театром, актёрством как способностью к постоянному перевоплощению в другие роли и образы. В театральной роли Ахилла выступает в сцене самозванчества. И не русским царем собирается стать лесковский герой, а Францем Веницыяном или Махмудом. В. Гуминский замечает, что «писатель будто не удержавшись, даёт своему герою возможность столкнуться с собственным образом в его сценическом воплощении лицом к лицу и даже оценить его с вполне «профессиональной» точки зрения» [17]. О «маскарадных поединках Ахиллы со смертью» пишет К.Кедров [18].

Итак, Лесков с первых строк своих хроник даёт пространственно-временную координату, точку отсчета, с которой начинается

повествование. Тем самым автор намекает на достоверность своих произведений, создаёт фон для дальнейшего развития сюжета. А благодаря возможности и даже необходимости воспроизводить историческое прошлое в его конкретике, образы, создаваемые Лесковым, обретают значение масштабного символа, а фигуры действующих персонажей воспринимаются читателем не только в их типичности и характерности, но и знаковости. Мастерство Лескова как психолога проявляется и в его умении сочетать сюжетное время и пейзажные зарисовки. Раскрытию художественного своеобразия хроник помогают концепты – элементарные единицы результата понимания. В хрониках выделяются концепты «дома», «дороги», «вселенной», «монастыря или собора», «петербургского света», «ярмарки», «театра или маскарада». Фактически, жанр хроники становится художественным средством, позволившем автору через поэтику выйти на проблематику, на систему нравственных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Столярова И.В. Н.С. Лесков // История русской литературы в 4-х т. – Т.3. / Под ред. Ф.Я. Приймы, Н.И.Пруцкова. – Л., 1982. – С. 765.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе «Очерки по исторической поэтике» // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234.
3. Лесков Н.С. Собр.соч.: В 12 т. –Т. 6. // Под ред. В.Ю. Троицкого. – М., 1989. – С. 3. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием в скобках тома и страницы.
4. Озерова Н.И. Черты летописного стиля в хронике Н.С. Лескова «Захудалый род» // Литературный процесс: традиции и новаторство. Межвузовский сборник науч. трудов / Под. ред. Е.Ш. Галимовой. –Архангельск, 1992. – С. 85.
5. Маркадэ Ж.К. Творчество Н.С. Лескова. Романы и хроники / Пер. с фр. А.И.Поповой, Е.Н. Берёзиной, Л.Н. Ефимова, М.Г. Сальман. – СПб., 2006. – С.224.
6. Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. – Т. 3. – М., 1957. – С. 241. Далее ссылки на это издание даются с указанием в скобках страниц.
7. Мосалёва Г.В. Поэтика Н.С. Лескова (Системно-субъективный анализ). – Ижевск, 1993. – С. 38.
8. Мосалёва Г.В. «Захудалый род» Н.С. Лескова. Пространственно-временные отношения, вещный мир и позиция автора // Проблема автора в художественной литературе: к 70-летию Б.О. Кормана: Сб.науч.тр. / Под ред. В.И. Чулкова. – Ижевск, 1993. – С. 134.
9. Кудряшов И.В. Проблемы жанра и характеристики хроники Н.С. Лескова «Соборьяне» // Электронный вестник центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвистрановедению. Вып. 3. – 2007. – С. 11-14.
10. Хализев В.Е. «Герои времени» и праведничество в освещении русских писателей XIX в. // Русская

- литература XIX века и христианство. – М., 1997. – С. 115.
11. Андреева Г.Т. Творчество Н.С. Лескова. – Иркутск, 1992. – С. 50.
 12. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – М., 2001. – № 1. – С. 40.
 13. Степанов Ю.С. Концепты. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С. 40.
 14. Зарва В.А. К просветительской концепции человека («Соборяне» Н.С. Лескова – «Записки причетника» Марко Вовчок). Тезисы докладов межвузовской научной конференции, посвящённой 160-летию со дня рождения Н.С. Лескова. – Орёл, 1991. – С. 37.
 15. Берёзкина Е.П. «Соборяне» Н.С. Лескова (к проблеме евангельских мотивов) // Литература и религия: проблемы взаимодействия в общекультурном контексте / Под ред. Е.В. Семёновой. – Улан-Удэ, 1999. – С. 61.
 16. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск, 1995. – С. 17.
 17. Гуминский В. Органическое взаимодействие (от «Леди Макбет Мценского уезда» к «Соборянам») // В мире Лескова. Сб. статей / Сост. В. Богданов. – М., 1983. – С. 254.
 18. Кедров К. Фольклорно-мифологические мотивы

в творчестве Н.С. Лескова // Там же. – С. 66-67.

O.Krasnikova

THE SPATIO-TEMPORAL STRUCTURE OF N.S.LESKOV CHRONICLES «THE IMPOVERISHED FAMILY», «OLDEN TIMES IN THE VILLAGE OF PLODOMASOVO», «CATHEDRAL FOLK»

Abstract: The article is dedicated to the investigation of the spatio-temporal structure (or chronotop) in N.S. Leskov chronicles «The Impoverished Family», «Olden Times in the Village of Plodomasovo» and «Cathedral Folk». Great important is given to comparison of historical and fictitious time, to revealing of connections between plot time and landscape sketching, the time influence on characters' temper is described, the function of concepts like «home», «road», «universe», «monastery», «petersburge society», «fair», «theatre» in literature originality of the chronicles is considered.

Key words: historical time, fictitious time, chronotop.

УДК: 821.161.1.09

Попов В.Н.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ ПОЭТА Н.Е. СТРУЙСКОГО*

Аннотация: В работе рассматривается история репутации поэта XVIII века Н.Е. Струйского от его современников до наших дней. Полученные наблюдения позволяют сделать ряд продуктивных выводов о «механизме» создания литературной репутации: она во многом определяется доминирующим представлением о социальном статусе писателя.

Ключевые слова: Н.Е. Струйский, литературная репутация, литература XVIII века, социальная стратегия, статус писателя.

Если о поэтах XVIII века говорят обычно с интересом, снисхождением и даже участием, то имя Николая Еремеевича Струйского (1749–1796), напротив, сопровождается набором эпитетов едва ли не ругательных: «помещик-самодур» (А.Е. Зарин) и «полусумасшедший поэт-графоман» (Н.П. Смирнов-Сокольский), «мучитель и истязатель своих крепостных» (Г.А. Гуковский), «парнасский буффон» (И.М. Долгоруков), «исступленный

графоман-строчкогон» (В.С. Пикуль) и т. п. При ближайшем знакомстве выходит, что этот «парнасский буффон» был просвещенный человек, последователь и страстный защитник Сумарокова, организатор лучшей в России типографии, строитель великолепного дворца, покровитель Рокотова и т. д. Так почему же столь деятельный и неординарный человек заслужил столь однозначно дурную репутацию?

О репутации Струйского при его жизни и в первое время по смерти, когда имя его было частью текущего литературного процесса, говорят лишь отдельные реплики, но начиная с середины XIX века можно выявить все тексты, которые участвовали в создании его репутации, и оценить вклад каждого из них. Как видно по стихам Струйского, в круг его близких друзей входили поэты С.Г. Домашнев и Ф.Г. Карин, он был хорошо знаком с А.П. Сумароковым: вероятно, именно Струйский познакомил его с Ф.С. Рокотовым (с которым сам был дружен [30, 6, 13]) – автором предсмертного портрета первого рус-

* © Попов В.Н.